

УДК 947

https://doi.org/10.33619/2414-2948/118/70

**«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»:
СПЕЦИФИКА ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ И ЛИТЕРАТУРНОГО
ТВОРЧЕСТВА В.Г. БОГОРАЗА-ТАНА**

©Протасова О. Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950,
канд. истор. наук, Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

**"ONE OF OUR OWN AMONG STRANGERS, A STRANGER AMONG OUR OWN":
SPECIFICITY OF THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL POSITION AND LITERARY
CREATIVITY OF V. G. BOGORAZ-TAN**

©Protasova O., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-code: 3562-1950, Ph.D.,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные этапы жизни, особенности мировоззрения и художественно-публицистического творчества В.Г. Богораза (литературный псевдоним – Тан), 1865-1936. Его деятельность можно условно разделить на три крупные сферы: научно-профессиональную, политико-публицистическую и литературно-художественную, писательскую. Обращается внимание на то, что, в отличие от научных заслуг Богораза-Тана, получивших признание в России и за рубежом, его творческое наследие сегодня малоизвестно, не вполне изучен и вклад в область политики и публицистики. Цель статьи – выявление специфики литературно-творческого наследия Богораза-Тана, объяснение причин его недооцененности массовым читателем и критикой. Показаны этапы становления Богораза-Тана в различных областях деятельности: ссылка в Колымский край (конец 1880-х – 1890-е гг.) и переросшее в профессионализм увлечение этнографией северных народов, что определило вектор его последующих научных изысканий и во многом – характер сюжетов и формы художественных произведений; Первая русская революция и переключение на общественно-политическую сферу (1905-1917 гг.). Анализируются эволюция отношений Богораза-Тана с советской властью и обстоятельства, сопровождавшие ее. Приведены аргументы в пользу причисления Тана к представителям народнического литературно-публицистического направления. Делается вывод, что недостаточная известность В.Г.Богораза-Тана как писателя может быть обусловлена его политическим прошлым (принадлежностью к оппозиционной большевикам партии) и сомнениями власти в подлинной лояльности ученого к ней, а также своеобразием его художественных произведений, мало вписывавшимся в «актуальную» тематику дореволюционной и послереволюционной эпох.

Abstract. The article examines the main stages of life, features of the worldview and artistic and journalistic creativity of V.G. Bogoraz (pen name - Tan), 1865-1936. His activities can be divided into three large areas: scientific-professional, political-journalistic and literary-artistic, writing. Attention is drawn to the fact that, in contrast to the scientific merits of Bogoraz-Tan, which have received wide recognition in Russia and abroad, his creative legacy is little known today, and his contribution to the field of politics and journalism has not been fully studied. The purpose of the article is to identify the specifics of the literary and creative heritage of Bogoraz-Tan, to explain the reasons for its underestimation by the mass reader and critics. The stages of Bogoraz-Tan's

formation in various fields of activity are shown: exile to the Kolyma region (late 1880s - 1890s) and his passion for the ethnography of northern peoples, which grew into professionalism, which determined the vector of his subsequent scientific research and, in many ways, the nature of the plots and forms of artistic works; The first Russian revolution and the switch to the socio-political sphere (1905-1917). The evolution of Bogoraz-Tan's relationship with the Soviet regime and the circumstances that accompanied it are analyzed. Arguments are given in favor of classifying Tan as a representative of the populist literary and journalistic movement. It is concluded that the lack of fame of V.G. Bogoraz-Tan as a writer may be due to his political background (belonging to the party opposition to the Bolsheviks) and the authorities' doubts about the scientist's true loyalty to it, as well as the originality of his artistic works, which did not fit well into the "current" themes of the pre-revolutionary and post-revolutionary eras.

Ключевые слова: Богораз-Тан, народничество, литература, публицистика, политика, этнография, советская власть.

Keywords: Bogoraz-Tan, populism, literature, journalism, politics, ethnography, Soviet power.

Сумма достижений российской культуры – результат деятельности не только виднейших ее творцов, получивших громкое мировое признание, но и множества акторов «второго плана», по разным причинам недооцененных в свое время либо забытых позже. Интерес современных исследователей к таким персоналиям объясняется, конечно, профессиональными заслугами последних, но и, зачастую не в меньшей степени, особенностями их биографий – сложным, интересным жизненным путем, охватывающим разные эпохи, смену социально-политических систем в истории нашей страны, собственное восприятие которых они запечатлели в мемуарах и публицистике. К числу таковых может быть отнесен и Владимир Германович Богораз-Тан (1865-1936), человек незаурядного дарования, огромной энергии, многочисленных интересов, активной гражданской позиции и непростой судьбы.

Популярный в настоящее время жанр «травелог», в своей идеологической составляющей затрагивающий колониальную / постколониальную и этнокультурную тематику, вполне может считаться обогащенным произведениями, вышедшими из-под пера народника-этнографа Богораз-Тана. Особое место в его творчестве занимают сочинения, посвященные Северу, который он отлично знал и, несмотря на печальные обстоятельства, приведшие к столь близкому «знакомству», искренне любил. По отзывам критиков, именно северный цикл Богораз-Тана является наиболее ценной частью его научно-литературного наследия, поскольку сочетает в себе и большую познавательную ценность, и бесспорные художественные достоинства [1].

О Богоразе-Тане опубликовано немало интересных работ [2-6], однако они посвящены почти исключительно научно-исследовательской стороне его деятельности. Последняя, на наш взгляд, достойна еще более разностороннего изучения с применением междисциплинарного подхода, в том числе с позиций культурфилософии.

О Богоразе-Тане как политике вспомнили в постсоветский период, с ростом внимания к народно-социалистической партии, в которой он несколько лет состоял. Тан-литератор же, по существу, до сих пор не нашел своего исследователя, как не обрел, увы, и широкого читателя [7, 8].

Материалами для данного исследования преимущественно служат произведения политической публицистики, вышедшие из-под пера В. Г. Богораз-Тана, позволяющие

сделать выводы о специфике его политико-идеологической позиции (включая сложности партийной самоидентификации, сомнения и ориентиры), об отношении к современным ему социально-политическим реалиям и ключевым политическим фигурам конца XIX – начала XX в. Ценными источниками являются также научные этнографо-культурологические и художественно-литературные работы Богораза-Тана, отражающие не только направленность его творческой мысли, но, хотя и косвенно, даваемую Таном оценку тенденций национальной политики России, а затем СССР. Все вышеупомянутые исследовательские материалы дают основания для причисления Тана к представителям народнического литературно-публицистического направления. Историографическая база исследования не столь обширна, поскольку советские и постсоветские авторы концентрировали свое внимание в основном на получившем международную известность научном наследии В.Г. Богораза-Тана, но не на его беллетристике и тем более политической деятельности. Однако ряд важных аспектов, касающихся общественного активизма Тана, раскрывают и они. Особенно следует выделить труды Н. Ф. Кулешовой, Е. А. Михайловой, М. М. Шахновича, В. В. Огрызко, С. Кана, в которых, помимо сугубо фактографической информации, затронута «человеческая», психологическая сторона проблемы – Богораз-Тан показан как личность на фоне и в контексте своей эпохи, жесткой, противоречивой, переменчивой.

Исследовательские методы, применяемые в статье — биографический, контент-анализ источников и исторической литературы, интент-анализ, компаративный (сравнение и сопоставление), анализ, синтез.

Натан Менделевич Богораз, более известный как Владимир Германович Богораз-Тан, родился в апреле 1865 г. в городке Овруч Волынской губернии в небогатой еврейской семье, вскоре перебравшейся в Таганрог. Литературный псевдоним Н.А. Тан, который впоследствии взял Богораз, означал, во-первых, расчлененное имя Натан, а, во-вторых, был связан с городом его детства: раньше Таганрог выговаривали как «Тананрог», от старого названия реки Дон – «Танаис». В своей автобиографии, написанной уже при советской власти, в 1926 г., Богораз называет главные вехи своей жизни, намеренно придавая повествованию легкую, даже самоироничную форму как бы для оправдания собственных идейных заблуждений прошлого. Политикой он заинтересовался в гимназические годы, а с 1882 г., уже студентом Петербургского университета, по его собственным словам, «завяз» в ней, вскоре познакомившись с полицейскими санкциями – высылкой и арестом.

В 1885 г. Богораз из практических соображений принял православие и, вместе с ним, новое имя и отчество (последнее – в честь крестного отца). Сам он объяснял, что, окрестившись, не отказался от своих еврейских корней, но стал как бы носителем сразу двух культур – еврейской и русской. «...Я чувствую себя беллетристом и этнографом, русским революционером и русским интеллигентом, европейцем, участником западно-восточной культуры» [9], – с гордостью заявлял Богораз. Вопрос перемены религии молодого народника не волновал: религиозностью он никогда не отличался, а со временем и вовсе сделался убежденным атеистом.

Причастность Богораза к «Народной воле» (он примкнул к организации в последние месяцы ее существования, в 1885 г.) повлекла за собой новый арест (1886), заключение в Петропавловскую крепость и, по приговору суда (1889) ссылку в Колымск на десять лет. На Колыме, куда, по расхожей у ссыльных поговорке, «ворон костей не заносит» [10, с. 8], и началось настоящее становление В.Г. Богораза-Тана как ученого-этнографа. Жизнь ссылки проходила в борьбе не столько с полицейским надзором, сколько с суровой природой, ежевесенним голодом, «привычным и потому нестрашным». Ссылные представляли для местных «Мудреную Русь», или «город Российск», назывались «государственными людьми»

и несли на крайний Северо-Восток атрибуты цивилизации: сахар, чай и табак, «шамана в трубе» (граммофон), «наложенную на бумагу человеческую тень» и пр. Необоримая любознательность, вкупе с ограниченным кругом «цивилизованного» общества, привела Богораза к тесному знакомству с коренными народами Колымского края и потомками казаков – давними насельниками этих мест, перемешавшимися с оседлыми племенами рыбаков и говорившими по-русски на странном наречии, «картавом и сладком, похожем на лепет отсталых детей и на шелест птичьих крыльев...» [10, с. 13]. В течение трех лет он кочевал с чукчами, называвшими самих себя «неумытым народом», разделял их образ жизни, питался их пищей, часто «несолоно хлебавши» – без соли и хлеба, и даже проник в некоторые «технологии» шаманизма. Тогда же, в ссылке, началась «проба пера» Тана – писателя и публициста. Набранный им этнографический материал получил одобрение Академии Наук, а товарищи по литературному цеху дали Тану прозвище «дикая чукча» [9].

На рубеже веков Богораз-Тан по приглашению американских антропологов принял участие в Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции под руководством Франца Боаса. По ее окончании, с 1901 г. по 1903 г., Богораз работал куратором Нью-Йоркского Музея естественной истории. В это время он написал художественные произведения разных жанров: очерки (сборник «Духоборы в Канаде»), «палеолитические» рассказы о жизни северных народов до прихода к ним русских, романы («Восемь племен», «За океаном»). Вернувшись в Россию в 1904 г., он создал еще несколько заметных работ: фантастические романы «Жертвы дракона» и «Завоевание мира», повесть «Крылоносный Икар». В этот период Тан старался и в научной, и в художественной формах показать, что жизнь сотен малочисленных этносов, остающихся первобытными на начало XX века, служит яркой иллюстрацией долгого и трудного пути, пройденного всеми без исключения народами Земли, что «судьба человека первобытного и... современного подчинены одним и тем же законам» [11, с. 8]. Он призывал с уважением относиться к обычаям и чувствам представителей «несчастных», застрявших в дикости племен, к уже проделанной ими разнообразной и сложной культурной работе, к духовному труду, о котором «мы... забываем в своей городской кичливости», в то время как «нам нечем особенно гордиться перед дикарями. Мы тоже достаточно дики и грубы, хотя и летаем на аэроплане» [11, с. 9].

Ранний этап художественного творчества Тана был принят, по большей части, благосклонно: его «Колымские рассказы» (город Колымск первоначально в них был назван Пропадинском), за короткое время трижды переизданные, понравились В. Г. Короленко – именитому народническому писателю, редактору журнала «Русское богатство». Короленко, признавая крайне тяжелые обстоятельства начала писательского пути Тана, отметил оригинальность, правдивость и запоминаемость представленных им картин «своеобразного неведомого быта», хотя попенял ему за «излишнюю этнографичность», выражавшуюся в «сухости, длиннотах, повторениях», чрезмерной «фотографичности снимков» [12]. Зато столь почитаемый народниками реализм в литературе – поданные в сдержанной манере картины ужасающе убогого быта, безропотной и мужественной борьбы людей с суровой природой («Кривоногий», «На мертвом стойбище» и др.), симпатия автора к своим героям – в полной мере был представлен в «северно-восточном» цикле Тана. Заинтересовался работами литератора-этнографа и А. П. Чехов, попросивший выслать ему книгу Тана в Ялту: «я о ней слышу и читаю много хорошего, а купить негде...» [12]. Лингвист А. А. Шахматов акцентировал внимание на художественных достоинствах прозы Богораза-Тана, особенно понравился ему роман «Восемь племен». Будущий же советский нарком просвещения А. В. Луначарский хвалил Тана за идейную направленность, левые настроения, которые он обнаружил в романе «За океаном». Поэзия Тана вызвала симпатию В. Брюсова, а вот П. Ф.

Якубович (литературный псевдоним – Л. Мельшин) считал, что Тан «поэт неудачный», так как «главное значение в поэзии придает чувству» [12]. Тем не менее, сборник «Стихотворения» за первое десятилетие XX в. переиздавался четыре раза: тематика и патетика стихов Тана были созвучны массовым настроениям той поры.

Тан, в ответ на упреки в «натурализме», недостатке авторской фантазии, обозначил свое понимание качественной беллетристики: «...Я не считаю авторский вымысел безусловно необходимым для повести... Жизнь составляет свои повести и развивает трагедии...особенно русская жизнь, черная и страшная, вечно насыщенная грозой... Изменить что-нибудь было бы преступлением не только против истины, но и против художественного вкуса» [13].

В 1905 г. жизнь Богораза-Тана сделала крутой вираж: он «нырнул» в события Первой русской революции, отодвинув науку на задний план [14, с. 444] и самоопределившись политически. Осенью 1906 г. Тан вошел в организационный комитет народно-социалистической партии, НСП, занявшей в партийном спектре страны позицию между эсерами и кадетами, без радикализма первых и сугубо либеральной ориентации вторых. Отказ умеренных народников от нелегальных форм деятельности, искреннее желание содействовать трудовому крестьянству в борьбе за его права и, без всякого аристократического высокомерия, помочь в деле культурного развития – все это импонировало Тану, демократу по натуре. Не изменяло ему и творческое вдохновение: Тан начал писать не только прозу, но и стихи; некоторые из них стали текстами революционных песен: «Вся наша жизнь есть труд кровавый», «Песня ссыльных», «Красное знамя» и пр.

В эти годы Богораз, вовлеченный в политику и увлеченный ею, много путешествовал по стране, восполняя дефицит своего «живого» знакомства с реалиями российской глубинки; эти наблюдения легли в основу цикла очерков «Новое крестьянство» [15, с. 84]. Яркую публицистическую работу Тан посвятил Учредительному съезду Всероссийского крестьянского союза (ВКС), нелегально проходившему в Подмоскowie 31 июля – 1 августа 1905 г. Рисуемая журналистом картина заседания, проводившегося в большом сарае, говорит о его неподдельном уважении к этим людям с широкими... бородами, суровыми глазами, морщинистыми лбами и мозолистыми руками [15, с. 95-96]. Произвели на Тана впечатление и сельские интеллигенты – крестьяне, получившие увечья: их работоспособность, замечает автор, «ушла в голову», неспособность к физическому труду компенсировалась «чтением и размышлениями».

Во время работы I Государственной Думы (1906-1907) Богораз-Тан входил в ее журналистский корпус. Он наблюдал за происходящим в парламенте, оценивал думский персональный состав, находил интересные типажи. Особенно интересовали его трудовики – депутаты от крестьянства, получившие в двух первых Думах солидное число мест (102 депутата в I и 104 депутата во II Думе – прим. автора) и составившие целую фракцию (Трудовая группа). «Не дразните их сверх меры... Чего доброго, засучат рукава и подадут сигнал к всенародной драке» [16, с. 3], – передавал настрой крестьян-думцев Тан. Однако неудачи думской оппозиции, как и организационная беспомощность собственной партии, в 1908-1916 гг. фактически распавшейся на малочисленные периферийные группы, разочаровали его.

Государственный курс в период т.н. «третьеиюньской монархии» (или, как было принято его именовать в советской историографии, реакции) ни у кого из социалистов не вызывал одобрения. Тан не был исключением: внутривполитическая обстановка навязывала всем, по его выражению, роль граммофона: «что жизнь поиграет, то и выпеваю» (1, ф. 225, к. 2, д. 4, л. 1).. Настоящих, независимых гражданских позиций, отмечал он, почти не осталось

и «люди как в воздухе повисли, ножку занесут и посмотрят, а ступить некуда» (там же). В то же время реакцию он сравнивал с побитой молью львиной шкурой: «посмотреть, так страшно, а тронешь рукою, шерсть лезет» (там же).

В годы I мировой войны Богораз-Тан занимал оборонческую позицию (позже он назовет ее «патриотическим угаром»), куда более резкую, чем у однопартийцев, в конечном итоге приведшую к разрыву с ними [7]. Он отправился на передовую, вплоть до 1917 г. служил в санитарном отряде, был военным корреспондентом газеты «Биржевые новости» [5, с. 118]. Политика Временного правительства, особенно внутренняя, виделась ему нерешительной и пассивной [7]. К народным социалистам Богораз так и не вернулся, хотя в июне 1917 г. они воссоздали партию, объединившись с трудовиками, разработали предвыборные платформы в органы местного самоуправления и Всероссийское Учредительное собрание (а ведь мнение этнографа, особенно по национальному вопросу, могло быть весьма ценным при выстраивании партийной линии!).

Октябрьский переворот 1917 г. Богораз встретил, по выражению, принятому в советской историографии, «враждебно». Большевизм для части России – той, что неграмотна и неспособна критически мыслить, по его мнению, принял некую религиозную форму. Как христианство разрушило античную римскую цивилизацию, так большевизм разрушит Россию, написал Тан в первые послеоктябрьские месяцы [8, с. 445]. Однако он остался на родине, в полной мере познав ужасы голода и гражданской войны. В 1921 г. умерла его жена, не во всем понимавшая и разделявшая интересы своего неугомонного супруга, но бывшая его надежным другом, настоящим тылом [5, с. 121-122]. Те из демократов-небольшевиков, кто не покинул Советской России, по словам идеолога энесов А. В. Пешехонова, превратились в обывателей [17, с. 25-27], вынужденные полностью отстраниться от политической сферы. Богораз-Тан нашел для себя место в строящемся обществе: у него была наука, куда он вернулся после многолетнего перерыва «на политику». С 1918 г. он работал в Музее антропологии и этнографии, в 1923 г. стал у истоков Комитета содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири, деятельность которого повлекла за собой создание в 1930 г. Института народов Севера, разработал алфавит чукотского языка. В 1932 г. Богораз инициировал открытие музея истории религии при АН СССР, которым руководил до конца жизни. Он называл себя «воинствующим безбожником», и ВКП(б) с ее атеистическим курсом такая позиция вполне устраивала.

Стиль, которым написана автобиография Богораз-Тана, и содержащиеся в ней признания, относящиеся к зрелым годам, указывают, как выразились бы непримиримые противники советской власти в зарубежье, на «капитулянтство» перед большевиками. Чего стоят, в частности, такие слова: «Вместе с другими я... мелодекламировал о верности союзу с «державами», злопахотельствовал и ненавидел... А теперь, к первому десятилетию революционной годовщины... готов благословлять... за собственную чистку» [9].

30 декабря 1922 г. был образован СССР. Государственный курс на хозяйственное освоение территорий и развитие народов бывших «окраинных» земель требовал использования знаний и опыта специалистов-этнографов. Научный багаж Богораз-Тана становился очень актуален. Ряд исследователей приходят к выводу, что к этому моменту бывший умеренный социалист встал на сменовеховские позиции [7]. Вероятно, в середине 1920-х гг. он искренне считал себя примирившимся с новой политической реальностью. Научные связи Богораз, знание языков, опыт жизни в самых разных местностях могли бы помочь ему устроиться, если бы он этого захотел, за границей. Однако желание жить и работать на родине, заниматься любимым делом, избегая преследований за прошлую

оппозиционность, диктовало необходимость выказывать лояльность новой власти в публичном пространстве.

Вероятно, поэтому бывший народник старательно подчеркивал свое духовное «обновление», состоявшееся благодаря вовлеченности в процесс строительства советского государства. «Перевалив на седьмой десяток... я счастлив... не тем, что я пережил целых три российских революции, ... – что... теперь, когда строят, я строю с другими» [9], – такими словами завершал свою автобиографию Богораз-Тан. Поскольку к концу 1920-х гг. аполитичный человек от литературы начинал казаться подозрительным, в 1928 г. Тан выпустил роман «Союз молодых», в котором, среди прочих сюжетных линий, повествуется о революции и создании комсомольской организации на Колыме. Как и прочие произведения Тана-писателя, он был основан на документальном материале, полученном автором письменно и лично от свидетелей и участников описываемых событий, «пропитанных жутью и кровью» [10, с. 9]. Критика впоследствии назвала это сочинение «слабым с художественной точки зрения» [12]. К своим трудам и сам Тан был строг: он признавал чрезмерную сжатость их формы при переполненности событиями и фактами, оценивал их как «скорее подробные конспекты, сгущённые экстракты, которые следовало бы развести... водой психологии и дать побродить» [12], а на эту работу у него, по его признанию, не хватало терпения. Последний роман Тана «Воскресшее племя», вышедший в свет в 1935 г., по оценке критиков, в полной мере грешил этими недоработками, более напоминая наброски научно-популярной лекции, чем завершённое художественное произведение [1, с. 183]. Зато он имел явную идеологическую направленность, повествуя «о возрождении после революции самого несчастного из северных племен» – юкагиров.

Со второй половины 1920-х гг. заниматься общественными и гуманитарными науками в СССР становилось делом рискованным. К счастью для Богораза, изучение специфики жизни «первобытных» народов не показалось ему идеологически опасным занятием: у сибирских и дальневосточных аборигенов отсутствовали классовые отношения. Он помнил, что даже в царские времена у власти не было претензий к его исследовательской деятельности, в отличие от политико-публицистической. Однако, несмотря на самоотречение от политики, в полной безопасности Богораз себя чувствовать не мог: все бывшие антибольшевики находились под пристальным наблюдением спецслужб. «Свидетельствовали» против этнографа и его контакты с зарубежным научным сообществом. Вскоре начались проблемы профессионального характера. В 1928 г. Богораз не был избран в Академию наук [18, с. 201]. Этнограф оказался заложником своего прошлого: он-де «начал свою научную работу, будучи народником и тем самым сторонником русской школы субъективной социологии...» [19]. Чтобы опубликовать в СССР работы своего друга Ф. Боаса, Богоразу пришлось сопроводить их резко критическими комментариями [18, с. 192]. Возможности работать за совесть, а не за страх становилось все меньше, и в середине 1930-х гг. Богораз, судя по его переписке с Боасом, стал помышлять о выезде из СССР [12]. Впрочем, сомнительно, что во времена «закрытия» государственной системы и развертывания репрессий ему удалось бы совершить задуманное, а 10 мая 1936 г. Богораз скоропостижно скончался.

Заключение

Как обозначить идейную позицию В. Г. Богораза-Тана? Его взгляды были шире, чем какое-то из конкретно-политических направлений. От сотоварищей по политическим взглядам и литературному цеху его отмежевывали условия и обстоятельства социализации. Взросление Богораза происходило в промышленном городе, окончательное становление личности – среди народов-автохтонов Северо-Востока и потомков «колонизаторов» – казаков,

которые за два-три века так ассимилировались с местным населением, что энергично отрицали свою «русскость»: «Какие мы йуские? Мы так себе, койимский найод» [10, с. 5]. Однопартийцы Богораза, как правило, имели иную жизненную школу: в провинциях Европейской России, в качестве земских служащих – статистиков, учителей, врачей. Даже те из них, кто прошел ссылку и каторгу, жили все-таки в местностях с преобладанием русскоязычного более или менее цивилизованного населения. Прозвище «дикая чукча», данное товарищами Тану, свидетельствует о четко осознаваемых ими отличиях – в привычках, манерах, вкусах – его от них. Пребывание в Америке и Европе в начале XX в. также не могло не отразиться на мировосприятии Тана: политический активизм, захвативший его и оторвавший на десяток лет от этнографии, наверняка в значительной степени был следствием обаяния узнанной им там гражданской культуры. Сделав организационный выбор в пользу НСП и вплотную работая с трудовым крестьянством, Богораз выступил по умолчанию как социалист-народник, однако его мировоззрение оказалось слишком разноплановым, чтобы в точности совпасть с энесовским курсом, ориентированным на сугубо российскую коллективистскую «почву». По собственным словам Богораза, он был «еретиком» в любом из известных на тот момент политических станов: свойственный ученому критический образ мысли, отточенный в кросскультурном пространстве, независимый, неконформный нрав – все это заставляло его формировать свое восприятие явлений и процессов, не подчиняясь всецело какой-то конкретной доктрине, даже симпатичной ему. Заметная идейная обособленность Богораза отражалась и на его сдержанных отношениях с литературно-публицистическим оплотом умеренного неонародничества – редакцией журнала «Русское богатство». Можно сказать, что идеологический статус Богораза был пограничным, совмещавшим в себе эволюционно-социалистические и леволиберальные начала.

Правомерно ли причислять Тана-литератора дореволюционной поры к народническому направлению? По нашему мнению, да, хотя и условно, как бы «на ассоциативных началах». Основание этому дают темы и форма подачи его художественных и публицистических произведений, ориентированных, пожалуй, в первую очередь на молодого читателя, наконец, организационная принадлежность к народническому лагерю.

Этнокультурную проблематику можно образно назвать «товарным знаком» народнической литературы. Начало ей дал Ф. М. Решетников, в 1860-х гг. создававший этнографические зарисовки Урала, Пермского края, западных районов империи. Интерес к окраинным землям, проблемам их населения свойствен и народнической публицистике последних десятилетий XIX – начала XX вв. Особым спросом пользовалась «колониальная», сибирская повестка, представленная в беллетристике сибирскими уроженцами – областниками (А. П. Щапов, Н. И. Наумов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.) и народническими авторами, познакомившимися с Сибирью по каторге и ссылке (В. Г. Короленко, С. Я. Елпатьевский, П. Ф. Якубович и др.). Но бытописателей Сибири было достаточно много, а повествователь – эксперт в вопросах культуры Крайнего Северо-Востока всего один – Тан. Он признавался, что ничего не придумывал, только комбинировал, заимствуя образы, легенды, рассказы у разных племен [11, с. 9]. В сочинениях Тана, при информативной насыщенности, нет оценочных комментариев, философской поучительности, замаскированных под сочувствие ноток превосходства человека цивилизации над дикарями. Его работы отличаются скрупулезной точностью описания «кухни», языка, картин быта и обрядов северных туземцев, свидетельствующих о господстве у них «коллективных представлений», отсутствием сентиментальности (такая кажущаяся бесстрастность порой дает сильный эффект). В последнем кроется сходство собственного характера автора,

закаленного странствиями и невзгодами, с суровыми нравами сибиряков и северян, которым, как и героям Тана, некогда раздумывать, им надо действовать, чтобы выжить.

Объяснить причины того, почему Богораз-Тан – беллетрист, несмотря на свою уникальность в писательском сообществе, не нашел популярности у массового читателя и не получил безусловного одобрения критики, думается, можно следующим образом.

Во-первых, тематика его художественных произведений, выражаясь современным языком, – «на любителя». Когда они создавались, такая «экзотика» не была в ходу: людей занимали куда более насущные вопросы остросоциального характера: революции, войны, народные страдания... Сцены из жизни нецивилизованных народов не затрагивали напрямую жизненных интересов «метрополии», а, значит, не могли найти у широких масс искреннего отклика. Определенной части социума гораздо более заманчивыми представлялись тематика и эстетика «серебряного века», эротизм и надлом, декаданс, либо просто «чистая» поэзия и увлекательная проза, где господствовала бы не идея, а романтика, красота. Получалось, что большинству «простых» людей сочинения Тана казались слишком непонятными, а в глазах эстетствующей публики его «дикие» герои и их чувства, к тому же описанные довольно скупо, выглядели чересчур примитивно. Для эпохи, к которой относится позднее творчество Тана, его книги также были «элитарны»: образование в рамках ликбеза не выводило молодежь на уровень интересов такого характера. Развитие же национальной литературы народов СССР, сопровождавшееся знакомством с их этнокультурными особенностями, началось позже – в основном в послевоенные годы.

Во-вторых, стиль писателя также мог быть воспринят читателями неоднозначно. Привычка к созданию научных трудов сказывалась и на манере изложения материала, «грешившей» недостаточной художественной обработанностью; человек с его внутренним миром явно уступал по силе раскрытия бытовым деталям и динамике сюжета, что давало повод обвинять Тана в излишнем натурализме, предпочтении бихевиоризма психологизму и т.п.. При этом, однако, надо отдать должное Тану: хотя он специально не обучался филологии, его слог даже сегодня не выглядит архаичным или тяжеловесным, он читабельнее манеры письма тех народнических публицистов, что не работали с художественным словом.

В-третьих, политический «бэкграунд» Тана, его путешествия по миру, «космополитизм» начала 1900-х гг. и последующие тесные связи с зарубежными коллегами, участие в антибольшевистской организации (народно-социалистической партии), неприятие советской власти сразу после ее установления определили отношение к нему со стороны Советов как условно-доверительное, постепенно становившееся все более подозрительным. Между тем в 1920-30-е гг. выполнялась ленинская установка о том, что «литература должна стать партийной». Поэтому поздний этап литературного творчества Тана более политизирован, чем даже народнический (1905-1917), когда журналистское перо приводило его в качестве ответчика на десятки судебных процессов. Однако попытки Тана «встать в строй» подлинно советских писателей, очевидно, в глазах партии выглядели недостаточно убедительно, ведь полного отождествления своего мироощущения с настроем советского социума, а тем более его руководства, у этнографа так и не произошло.

«Свой среди чужих, чужой среди своих» – таким образом можно определить положение Богораз-Тана и в творческой, и в политической среде на протяжении почти всей его жизни. Ему удалось стать «своим» как для аборигенов Камчатки, Чукотки и Колымы, живших первобытным строем, так и для международного сообщества первоклассных ученых – этнографов, антропологов, культурологов – обладавших энциклопедическими знаниями. При этом, однако, он не сумел вполне вписаться в политико-культурный мир

соотечественников – казалось бы, идейных единомышленников; наособицу, увы, остался он и среди коллег по профессии в советское время. Обвинять его в этой невольной «маргинальности» было бы несправедливо: так сложилась жизнь, не в последнюю очередь под влиянием внешних факторов, прежде всего политической конъюнктуры. Политика вообще прямо и косвенно сыграла ключевую (или роковую?) роль в жизни В.Г. Богораза-Тана, сначала заинтересовав собой и сделав оппозиционером-подпольщиком, затем направив по научно-профессиональному пути, в 1905-1917 гг. полностью подчинив себе, а в послеоктябрьский период – заставив примениться к новой государственной системе ценой свободы творческой мысли.

Тан-писатель, несмотря на свою «второплановость» в длинных рядах литературной России, оригинален и самобытен. Он гуманист и межкультурный посредник. При всех идейно-творческих исканиях, изломах судьбы интерес и любовь к российскому Северо-Востоку, искренняя забота о его населении оставались для В.Г. Богораза-Тана константой всегда, на разных жизненных этапах. Об этом постоянстве красноречиво свидетельствуют как его научная практика, так и сюжеты большинства романов и повестей.

Источник:

(1). Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 225. К. 2.

Source:

(1). Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (NIOR RGB). F. 225. K. 2.

Список литературы:

1. Тан-Богораз В. Г. Восемь племен. М.: Издательство Руда, 2022. 186 с.
2. Памяти В. Г. Богораза: Сб. ст. и восп. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. 382 с.
3. Кулешова Н. Ф. Тан-Богораз: Жизнь и творчество. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1975. 110 с.
4. Михайлова Е. А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 95-136.
5. Михайлова Е. А. Софья Константиновна Богораз (1870–1921): штрихи к портрету Владимира Германовича Богораза // Антропологический форум. № 29. К 150-летию В.Г. Богораза. 2005. С. 109-124.
6. Крупник И. И. В. Г. Богораз, его наследие и ученики // Тропую Богораза: Научные и литературные материалы. М.: Ин-т наследия – ГЕОС, 2008. С. 17-22.
7. Романов В. В. Общественно-политическая и научная деятельность В. Г. Богораза-Тана: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006. 282 с.
8. Шахнович М. М. В. Г. Богораз о религии и большевизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 24. Вып. 3. С. 441-453.
9. Тан-Богораз В. Г. Автобиография. Написана 20 мая 1926 г. в Ленинграде. <https://clck.ru/3PCNRP>
10. Тан-Богораз В. Г. Союз молодых. СПб: Ленинград, 2013. 336 с.
11. Тан-Богораз В. Г. Жертвы дракона. На озере Лоч. М.: Издательство Руда, 2019. 240 с.

12. Огрызко В. Под надзором царских жандармов и советских чекистов // Литературная Россия. 2006. №49.
13. Богораз-Тан В. Г. Последние дни Народной Воли. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1931.
14. Шахнович М. М. В. Г. Богораз о религии и большевизме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 24. Вып. 3. С. 441-453.
15. Тан. Новое крестьянство. СПб: Народная мысль, 1906. 132 с.
16. Богораз-Тан В. Г. Мужики в Государственной Думе. М.: Издание В.М. Саблина, 1907. 72 с.
17. Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 77 с.
18. Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191-230.
19. Богораз-Тан В. Г. Чукчи // Материалы по этнографии. Т. 5. Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.

References:

1. Tan-Bogoraz, V. G. (2022). Vosem' plemen. Moscow. (in Russian).
2. Pamyati, V. G. (1937). Bogoraza: Sb. st. i vosp. Moscow. (in Russian).
3. Kuleshova, N. F. (1975). Tan-Bogoraz: Zhizn' i tvorchestvo. Minsk. (in Russian).
4. Mikhailova, E. A. (2004). Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deyatel'. In *Vydayushchiesya otechestvennye etnografy i antropologi XX veka, Moscow*, 95-136. (in Russian).
5. Mikhailova, E. A. (2005). Sof'ya Konstantinovna Bogoraz (1870–1921): shtrikhi k portretu Vladimira Germanovicha Bogoraza. *Antropologicheskii forum*, (29), 109-124. (in Russian).
6. Krupnik, I. I. (2008). V. G. Bogoraz, ego nasledie i ucheniki // *Tropoyu Bogoraza: Nauchnye i literaturnye materialy*. Moscow, 17-22. (in Russian).
7. Romanov, V. V. (2006). Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya deyatelnost' V. G. Bogoraza-Tana: Dis. ... kand. ist. nauk. Orel. (in Russian).
8. Shakhnovich, M. M. (2018). V. G. Bogoraz o religii i bol'shevizme. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 24(3), 441-453. (in Russian).
9. Tan-Bogoraz, V. G. Avtobiografiya. Napisana 20 maya 1926 g. v Leningrade. <https://clck.ru/3PCNRP>
10. Tan-Bogoraz, V. G. (2013). Soyuz molodykh. St. Petersburg. (in Russian).
11. Tan-Bogoraz, V. G. (2019). Zhertvy drakona. Na ozere Loch. Moscow. (in Russian).
12. Oгрызко, V. (2006). Pod nadzorom tsarskikh zhandarmov i sovetskikh chekistov. *Literaturnaya Rossiya*, (49). (in Russian).
13. Bogoraz-Tan, V. G. (1931). Poslednie dni Narodnoi Voli. Moscow. (in Russian).
14. Shakhnovich, M. M. (2018). V. G. Bogoraz o religii i bol'shevizme. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 24(3), 441-453. (in Russian).
15. Tan (1906). Novee krest'yanstvo. St. Petersburg. (in Russian).
16. Bogoraz-Tan, V. G. (1907). Muzhiki v Gosudarstvennoi Dume. Moscow. (in Russian).
17. Peshekhonov, A. V. (1923). Pochemu ya ne emigriroval? Berlin: Obelisk. (in Russian).
18. Kan, S. (2007). “Moi drug v tupike empirizma i skepsisa”: Vladimir Bogoraz, Frants Boas i politicheskii kontekst sovetskoi etnologii v kontse 1920-x – nachale 1930-kh gg. *Antropologicheskii forum*, (7), 191-230. (in Russian).

19. Bogoraz-Tan, V. G. (1934). Chukchi. In *Materialy po etnografii*, 5, Leningrad. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 02.08.2025 г.*

*Принята к публикации
12.08.2025 г.*

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. «Свой среди чужих, чужой среди своих»: специфика идейно-политической позиции и литературного творчества В. Г. Богораза-Тана // *Бюллетень науки и практики*. 2025. Т. 11. №9. С. 586-597. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/118/70>

Cite as (APA):

Protasova, O. (2025). "One of our Own among Strangers, a Stranger among our Own": Specificity of the Ideological and Political Position and Literary Creativity of V. G. Bogoraz-Tan. *Bulletin of Science and Practice*, 11(9), 586-597. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/118/70>